

"Русская вилла" в Женеве | La "Villa Russe" à Genève

Author: Наталья Беглова, [Женева](#) , 20.05.2015.

П.И. Бирюков. 1890-е гг. Любительская фотография. (© Государственный музей Л.Н. Толстого)

Наш город кишит историей, в том числе и русской: нужно только знать нужные места и людей, которые любят и умеют о них рассказывать. Нашей Газете (и, надеемся, ее

читателям) в этом смысле повезло.

|

La ville de Genève est bourrée de l'histoire, y compris l'histoire russe. Il faut juste trouver des bons endroits et gens qui savent raconter. Dans ce sens Nasha Gazeta.ch a beaucoup de chance.

La "Villa Russe" à Genève

В Женеве немало зданий, имеющих очень богатую историю. Но вряд ли найдется еще один дом, который в разное время посетило столько русских, как этот, находящийся в квартале Онэ. Причем побывали здесь люди чрезвычайно разные, отличные друг от друга национальностью и возрастом, происхождением и вероисповеданием, профессией и политическими взглядами. Назову лишь некоторые из этих имен: Ленин и Ромен Роллан, Георгий Плеханов и Стефан Цвейг, Анатолий Луначарский и Петр Кропоткин, Жорж Питоев и Бонч-Бруевич, Павел Милюков и ... Грета Гарбо! Все они приходили в гости к Павлу Ивановичу Бирюкову на виллу, находившуюся в тогдашнем пригороде Женевы и до сих пор сохранившей название - «Русская вилла».

С внучкой Павла Ивановича и Павлы Николаевны Бирюковых, Татьяной Беррада-Бирюковой, черты лица которой ясно свидетельствуют о ее русских корнях, мы встретились в кафе неподалеку от виллы, где когда-то жили ее дед и бабушка. Татьяна, дочь младшего сына, Льва, родилась в 1943 году, уже после смерти своего знаменитого деда, о котором многое знает из рассказов родных и близких. Татьяна неплохо говорит по-русски, хотя иногда с трудом подбирает слова и выражения. Помнит, что был огромный сад и огород. Вопреки опубликованной довольно известным автором информации уверяет, что Ганди никогда на вилле не был, хотя и собирався – готовясь к его визиту, Павла Николаевна хотела даже одолжить у кого-то козу, поскольку молоко он пил только козье.

К сожалению, архив Бирюкова у Татьяны не сохранился. Занимавшаяся им дочь Бирюковых Ольга незадолго до смерти в начале девяностых годов отослала все бумаги в российское посольство в Берн, сочтя, что они должны принадлежать русскому народу. Татьяна полагала, что впоследствии они были переданы в музей Льва Толстого, однако на наш запрос, направленный в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве, пришел негативный ответ - архив Бирюкова из Берна в музей не поступал. Начали искать дальше и выяснили, что посольские работники почему-то отправили его в Библиотеку имени В.И. Ленина!

Кто же такой Павел Иванович Бирюков? Начало его жизни не предвещало ничего необычного. Он родился в 1860 году в родовом поместье, находившемся рядом с селом Ивановское в Костромской губернии. Семья была старинная, ее корни уходят по отцовской линии в XV век, а по материнской – еще далее, в IX-X века, к династии

Юриковичей. Семья не только родовитая, но и заслуженная. Дед, генерал-майор, прославился в войне с Наполеоном, участвовал в Бородинском сражении, где был тяжело ранен. Отец отличился в Крымской войне 1854-1855 годов. Мать Павла Бирюкова, Варвара Васильевна Христиане, была хорошо образована, знала языки, играла на фортепьяно. Она была глубоко религиозной женщиной, что, безусловно, оказало влияние и на детей.

Сыновьям, Павлу и Сергею, следуя семейной традиции, предстояла военная карьера. На обучение их отдали в самое привилегированное военное заведение того времени – в Пажеский Его Императорского Величества корпус. В своей автобиографии, продиктованной в конце жизни на «Русской вилле» дочери Ольге, Павел так рассказывает о своем зачислении.

«Моя мать была большой патриоткой и хлопотала через бабушку о нашем приеме. Она с гордостью говорила: «Моих сыновей зовут так же, как и царских; Сергей и Павел». Судьба этих Сергея и Павла была ужасна: Сергей был разорван бомбой Каляева, а Павел расстрелян большевиками в 18-м году». (А.М. Бирюков «П.И. Бирюков – первый биограф Л.Н. Толстого». Москва, Полиграф сервис, 2011) После сдачи вступительных экзаменов Павел отправился с матерью в домик Петра Великого на Петербургской стороне отслужить благодарственный молебен чудотворной иконе Спасителя.

Учился Павел блестяще – в награду его допустили лично рапортовать императору Александру II во время посещения им учебного заведения. Правда, с этим вышел казус, воспоминание о котором Павла Бирюкова сохранилось в книге А. Григорова «Из истории костромского дворянства».

«С рапортом Александру II вышел скандал: Александр II знал моего отца как Семеновского офицера, где он бывал наследником. В корпус он заходил сначала в старший класс, и ему рапортовал мой брат. Он спросил, какого Бирюкова, и, узнав, что Ивана Сергеевича, выразил удовлетворение. Мой брат был выше ростом, красив и напоминал отца. Когда Александр II пришел к нам в класс, я вышел рапортовать. Государь спросил, как моя фамилия, я сказал: «Бирюков». Я был мал ростом и совсем не имел военной выправки, руки держал самоваром, так что государь мне их одернул и сказал, что я совсем не Бирюковской породы, и, выходя из класса, сказал директору, я плохо встретил. Это был большой позор для всего класса, и я боялся, что меня казнят...».

Павла Бирюкова, естественно, не казнили, но в Пажеском корпусе он не остался. Дело в том, что Павел с детства мечтал стать моряком и, окончив шесть классов корпуса, перешел в Морское училище Санкт-Петербурга. Закончив его в 1880 году, он отправился на только что спущенном на воду фрегате «Герцог Эдинбургский» в двухлетнее заграничное плавание. Как многие во время путешествия, он вел дневник.

Первые дневниковые записи рисуют нам светского молодого человека еще вполне

традиционных увлечений и взглядов. Павел восхищается красотой увиденных мест, описывает обычаи и нравы посещаемых стран. Особенно подробно рассказывает о том, как ему удалось побывать во дворце греческой королевы и быть ей представленным. Это была великая княжна Ольга Константиновна, вышедшая в 1867 году замуж за греческого короля Георга I. С гордостью рассказывает молодой человек, что он числился в экипаже ее имени и носил на погонах букву «О» с короной.

Ольга Константиновна была сестрой великого князя Константина Константиновича, который какое-то время находился на фрегате «Герцог Эдинбургский» и с которым Павел Бирюков сблизился. По его воспоминаниям, чаще всего они с великим князем беседовали о скончавшемся незадолго до этого Достоевском, поклонниками которого оба были. Дневник свидетельствует о том, что перед нами человек исключительно впечатлительный, не просто дороживший общением с великим князем, но и бесконечно восхищенный им. Он сам признается в этом: «Мое поэтическое, религиозное настроение имело тогда своего героя – героем этим был великий князь Константин Константинович. Он помещался на пароходе в особой рубке, на верхней палубе; я садился на палубе вблизи этой рубки и ждал, как особого счастья, чтобы великий князь позвал меня к себе...». Павел даже посвятил князю стихи.

Именно Константин Константинович пригласил Бирюкова сопровождать его на Святой Афон. С этого момента в дневнике появляются записи, которые подтверждают, что вышеприведенная фраза о религиозности не пустой звук: перед нами не просто впечатлительный человек, а к тому же еще и исключительно религиозный. Увиденное в Афоне произвело на Павла такое сильное впечатление, что, как он сам пишет: «у меня возник серьезный вопрос – не остаться ли мне здесь навсегда... Но я не решился, и дней через 10 мы, объехав весь Афон, - снова вступили на борт своего парохода...».

Путешествие продолжилось, служба тоже. Казалось бы, все идет по плану, в соответствии с традициями. И тут случается первый сбой: вернувшись в Петербург, молодой человек не захотел продолжать службу на флоте. Если верить некоторым источникам, причиной увольнения послужили события, произошедшие во время плавания: на фрегате взбунтовались матросы, бунт был жестоко подавлен. Это произвело тяжелое впечатление на молодого человека, и он решил уйти с военной службы.

Павел Бирюков поступил на учебу в Морскую академию на гидрографическое отделения, закончив которое в 1884 году, начал работать гидрографом в Главной физической обсерватории военно-морского ведомства.

Но произошло еще одно событие, которое также повлияло на молодого человека, в корне изменив плавный и predetermined ход его жизни. Один из его друзей, Василий Голицын, пригласил Бирюкова посетить «Общество христианской помощи», своеобразный кружок молодых петербургских аристократов, изучавших христианское учение. На одном из заседаний этого кружка Павел Бирюков познакомился с Владимиром Григорьевичем Чертковым, верным последователем идей Льва Толстого. Очень интересно описание того, как произошло их сближение, данное Бирюковым. Во время одной из встреч Чертков спросил, считает ли Бирюков, что военная служба противоречит учению Христа? Не задумываясь, Павел Иванович ответил, что противоречит. Чертков, удивленный, заметил на это, что, пожалуй, впервые встретил человека, который так однозначно ответил на этот вопрос. А потом поинтересовался, знает ли Бирюков Льва Толстого? Бирюков во время плавания как раз прочитал «Анну Каренину», которая, правда, не произвела на него большого впечатления. Этого он сказать не решился, но признался, что мало знаком с творчеством писателя.

В 1884 году Чертков пригласил Павла Бирюкова поехать к нему в имение в Лизановку. А по дороге они заехали в Москву, а дом Толстого в Хамовниках, где Владимир Чертков и познакомил молодого человека с писателем. Это произошло 21 ноября 1884 года. Точная дата нам известна, поскольку, диктуя много лет спустя в Женеве свои воспоминания дочери Ольге, Павел Бирюков сказал, что тогда, 21 ноября 1884 года «свершился самый знаменательный акт в моей жизни – я познакомился со Львом Николаевичем Толстым».

Уже весной 1885 года Бирюков выходит в отставку и посвящает свою жизнь распространению идей Толстого. Он работает в издательстве «Посредник», которое выпускает миллионными тиражами книги для народа, в том числе и произведения Льва Николаевича. В конце 1880-х под влиянием толстовских идей Павел Бирюков переезжает на житье на свою «малую» родину в Костромскую губернию. Делается вегетарианцем – не ест мясо, рыбу и продукты из них. Носит косоворотку, позднее названную толстовка. Занимается физическим трудом.

Все это не может не вызвать подозрений у местных властей, и по распоряжению костромского губернатора за Бирюковым устанавливается негласная слежка. Вскоре, однако, Бирюков оставляет усадьбу, возвращается в Петербург и вновь начинает активно работать в издательстве «Посредник», а вскоре и возглавляет его. Его скромная квартира превращается в местный центр толстовского движения. Павел Бирюков – частый гость в доме Толстого в Ясной Поляне, он здесь свой человек. Дочь Толстого Татьяна Львовна Сухотина-Толстая пишет в своих «Воспоминаниях: «Среди тех, которые наиболее вошли в нашу жизнь, назову Бирюкова, Горбунова и Черткова». Лев Николаевич, по свидетельству Валентина Федоровича Булгакова (последнего секретаря Толстого), очень ценит «симпатичную личность» Бирюкова и называет его уменьшительным именем «Поша». Так звали Павла Ивановича с детства в его семье. Когда Бирюков и Толстой не видятся, то постоянно переписываются, в архиве Льва Николаевича множество писем, адресованных «Поше».

Булгаков, который был очень наблюдательным человеком, также с очень большим уважением пишет об этом ученике и друге Толстого. Сопоставляя Бирюкова и другого очень близкого Толстому человека, Черткова, он отдает явное предпочтение Павлу Ивановичу, что хорошо видно из такого пассажа: «По своему характеру П. И. Бирюков представлял удивительный контраст по сравнению с В. Г. Чертковым.

Насколько Чертков был замкнут, недоверчив, неловок, подозрителен, упрям, горд и требователен в отношениях с людьми, настолько Бирюков отличался добродушием, мягкостью, веселостью, общительностью, доверием, уступчивостью и простотой. О Бирюкове тоже говорили, что он был человеком с "хитрецей", но самая эта "хитреца" была у него другая, чем у Черткова. Тот был многомудрым и своекорыстным дипломатом, уверенным в своей непогрешимости, тогда как вся "хитреца" толстенького, "круглого", как Платон Каратаев, бородатого, уютно пошаркивающего но полу своими вегетарианскими подметками, веселенького Павла Ивановича глубоко не шла, отличалась довольно-таки невинным характером и никогда не была зловредной. Точно так же и тщеславие Черткова и Бирюкова, если только говорить о нем, было разное. Бирюковское - опять какое-то невинное, для радости-веселья, никому не вредящее и высоко не забирающее; чертковское тщеславие-властолюбие - глубокое, скрыто-страстное, себя питающее, мрачное и в некотором роде болезненное. <> Бирюков, без преувеличения можно сказать, не ненавидел никого, жил для добра и для других, захватывал в свои "тенета любви" (по "Казакам" Толстого) легко и свободно, и притом всех близких без исключения. Властолюбие и деспотизм Черткова были безграничны, Бирюков же никогда не боялся своих сотрудников по делу, радовался их успехам и готов был делить работу, успех, влияние с кем угодно. <> Скрытый мизантроп Чертков даже улыбался фальшиво и только изредка, действительно, расцветал в веселой, милой и удивительно-привлекательной улыбке, Бирюков же всегда сиял, и притом сам этого не замечая и не зная о своем обаянии. В результате, Черткова "уважали", тогда как Бирюкова любили». (В.Ф. Булгаков «Лев Толстой, его друзья и близкие». Тула, Приокское книжное издательство, 1970 г.)

В Ясной Поляне Павел Бирюков знакомится с Марией Львовной, дочерью Льва Николаевича, и влюбляется в нее. По словам очевидцев, их чувства были взаимными, дело, казалось, шло к свадьбе, в декабре 1890 года Павел Иванович сделал Марии Львовне предложение. Лев Толстой очень желал брака «Поши» и своей дочери, но этого не произошло - Софья Андреевна была против. В своем дневнике она как-то даже написала: «Если она (Мария Львовна - примечание автора) выйдет за него замуж, — она погибла». И это при том, что Софья Андреевна очень хорошо относилась к Бирюкову, говорила, что он «из лучших, смирный, умный...». Но, видимо, считала этот союз, как бы теперь сказали, не достаточно престижным для дочери. Мария Львовна впоследствии вышла замуж за князя Н.Л. Оболенского.

В 1891 году художник Н.Н. Ге написал прекрасный и ныне хорошо известный портрет Марии Львовны, который одному из первых показал Бирюкову, написав: «Этот портрет я писал с большой любовью и радуюсь, что ты труд мой оценил». (Н.П. Пузин, Т.Н. Архангельская. Вокруг Толстого. Тула. Приокское книжное издательство. 1988 год, стр. 107)

А еще позднее, в Швейцарии, Бирюков подготовит и издаст на немецком языке книгу «Отец и дочь. Письма Л.Н. Толстого к М.Л. Толстой». (Vater und Tochter. Tolstois Briefwechsel mit seiner Tochter Marie. Zürich & Leipzig, 1927) Те, кто читал ее, говорят, что предисловие и комментарии не оставляют сомнений в том, что Павел Иванович через всю свою жизнь пронес самые теплые чувства к Марии Львовне.

В 1891-1892 годах во многих губерниях России разразился голод. Толстой делал все для того, чтобы помочь голодающим, и Павел Бирюков активно работал вместе с ним. Кстати, именно во время оказания помощи голодающим в Рязанской губернии он

встретил еще одну ученицу Толстого – [Веру Величкину](#), и они подружились. Бирюков был знаком и с будущим мужем Величкиной – Бонч-Бруевичем. Оказавшись в Женеве, обе семьи поддерживали тесные отношения.

Павел Иванович был верным соратником Льва Толстого и в деле борьбы за права членов секты духоборов, которых жестоко преследовало правительство. Вместе они пытались облегчить участь этих людей, организовали их переселение сначала на Кипр, а позднее в Канаду. Причем в Канаду Бирюков отправился с переселенцами лично и помог им там с устройством. В 1897 году он вместе с В.Г. Чертковым подписал воззвание «Помогите!» в защиту духоборов, вдохновителем которого был Лев Толстой. После публикации воззвания Черткова выслали за границу, а Павла Бирюкова – в город Бауск Курляндской губернии (нынешняя Латвия). Лев Толстой лично отправился в Петербург и обратился за помощью к известнейшему юристу А. Ф. Кони с просьбой помочь своим друзьям и единомышленникам. Вот как описал он то, что произошло с Бирюковым в одном из писем, адресованном бывшей гувернантке Бирюкова и вошедшее в полное собрание его сочинений:

«1897 г. Февраля 19. Никольское.

Милостивая государыня Наталья М[ихайловна,

Наш милый друг Поша, разумеется, ничего не мог сделать и не сделал дурного. Его сослали за то, что он хотел довести до царя истину о духоборах, которых мучают за их веру. Поша так добр и хорош и так любим всеми, что ему везде будет хорошо. Вчера я получил от него письмо уже из Бауска. Он пишет, что ему в первую минуту было грустно одному в чужом городе, но я уверен, что это уже прошло. Я писал ему.

Пишите и вы.

Очень рад был вашему письму, показавшему мне еще раз ту любовь, которую Поша возбуждает во всех, кто его знает, и рад случаю ответить вам. Дружья наших друзей наши дружья, и потому подписываюсь -

Ваш друг».

В 1898 году Бирюков получил разрешение покинуть Россию, чему способствовало и вмешательство брата Бирюкова, Сергея, занимавшего в то время пост вице-губернатора Нижнего Новгорода.

Павел Бирюков был уже семейным человеком. Еще в 1895 году он встретил Павлу Николаевну Шарапову, также последовательницу идей Толстого, несмотря временное серьезное увлечение марксизмом. История их отношений была непростой. Павла Шарапова вся отдалась своему чувству, но, видимо, Павел Бирюков или все еще был влюблен в Марию Толстую, или просто решил, что брак - это не для него, он должен всего себя отдать делу.

Сохранилось очень интересное письмо Павлы Шараповой к Толстому, всю семью которого хорошо знала - они познакомились еще в 1887 году, когда Павла приехала в Ясную Поляну учить крестьянских детей.

Терзаясь сомнениями, она просит совета Льва Николаевича:

«Я люблю Павла Ивановича не только, как брата, как друга, как одного из самых лучших людей... Я люблю его так, что могла бы выйти за него замуж... Но оттого, что он не хочет этого, а я дорожу его душевным покоем, я тоже не хочу этого. Совесть же за это мое желание не упрекает меня, и я борюсь с ним только как с невозможным... Сколько я ни стараюсь уверить себя, что моя любовь к нему низший сорт любви, что она будет выше и лучше, даст радости и ему и мне, если будет только духовной любовью, но я не могу себе представить духовной любви без плотской. Говорят — люби, как брата, но ведь братские отношения тоже плотские отношения и потому такие, что кто-то был мужем и женой. Если то, что рождаются и растут маленькие дети и живут люди, не есть грех, почему же грех замужество? Не подумайте, что я хотела спорить с вами, я только хотела немного высказаться по этому вопросу, чтобы вы знали, какая я есть на самом деле...» (Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828—1948), М.: Гос. лит. музей, 1948. том. II, стр. 71)

А вот отрывки из обстоятельного ответа Льва Толстого.

«1897 г. Августа 24. Я. П.

<>Милая П[авла] Н[иколаевна], ведь дело стоит вот как: Для человека, к[оторый] не знает жизни, состоящей в служении богу, любовь плотская на украшение, одухотворение которой он обыкновенно употребляет те духовные силы, к[оторые] предназначены для служения богу - любовь плотская хорошая, честная, верная представляется высшим благом. Для человека же, перенесшего в своем сознании жизнь из служения себе служению богу, любовь плотская есть несомненная помеха служению богу, как, если бы это и не говорили ни Христо[с], ни Павел, ни все мудрецы мира, каждый из нас открыл бы сам своим умом, п[отому] ч[то] большая доля душевных сил не только у женщины, но и у мужчины, должна отвлекаться на эту любовь. - Дело же ваше стоит, по-моему, вот как: Павел И[ванович] перенес в своем сознании свою жизнь из служения себе служению богу и только временами по инерции отдает дань жизни личной, и потому для него всякий брак будет ослабление

жизни. Вы не перенесли еще свою жизнь в служение богу и стоите на этом рубеже, и потому вам кажется еще, что брак будет для вас увеличение жизни. Но, во 1-х, это заблуждение, и для вас это будет не увеличение, а уменьшение истинной жизни, а, во 2-х, любя Павла Ивановича настоящей любовью, вы не можете не видеть, что брак для него будет уменьшение жизни, И потому ваше отношение к браку должно быть ясно. А что будет, это другое дело. Может быть, вы и поступите дурно, не в силах будучи побороть соблазна. Одно несомненно, что добро - добро, а зло - зло. И для того, чтобы легче избавляться от зла и приближаться к добру, надо твердо различать одно от другого. Что бы с вами ни было, знайте, что я люблю вас не за Павла Ивановича и не за ваши поступки, а за вашу добрую, честную душу, которую я вижу и в вашем письме.

Л. Толстой».

Как видим, Лев Толстой в своем письме не только излагает свои общие воззрения на брак, но и прямо говорит о том, что для Павла Бирюкова - человека высоких устремлений, решившего посвятить всего себя служению богу и служению людям - брак будет помехой.

В итоге молодые люди все-таки решили жить вместе, но не оформлять свои отношения ни церковным, ни иным образом. Почему? Из принципиальных соображений. По их мнению, государство не должно было вмешиваться в личную жизнь людей, а регистрация брака - разве это не вмешательство? Что касается церковного брака, то вопрос о нем вообще не стоял. Павла Николаевна была атеисткой. Павел Иванович верил в бога, но, как и Толстой, был противником церковных обрядов. Поэтому только самые близкие друзья получили письма, в которых им сообщалось о решении Павлы и Павла объединить свои судьбы.

Когда Павлу Бирюкову разрешили выехать за границу, то сначала он отправился в Англию. Там дождался Павлы, а потом уже вместе они переехали в Женеву.

От редакции: Рассказ о швейцарском периоде жизни четы Бирюковых вы сможете прочитать ровно через неделю, 20 мая, в рубрике Наши люди. Редакция Нашей Газеты.ch благодарит Государственный музей Л.Н. Толстого за предоставленные фотографии.

[Женева/Лозанна/Глан](#)

[сапсерфинг](#)

[Женева](#)

Статьи по теме

[Вилла Бокаж: романтическая история о беженцах в ООН](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/russkaya-villa-v-zheneve>